

зации вытекает из принципа атрибутивной относительности, содержание которого состоит в том, что свойства вещей и их структуры выявляются во взаимодействии и потому зависимы от фона таких взаимодействий. Фоном взаимодействия компонент самоопределения выступают культура и социальность.

Итак, основное содержание жизненного самоопределения составляют его компоненты: метафизическая, экзистенциальная, культурно-семантическая и социальная. Механизм действия самоопределения складывается через субъективные смыслообразования, которые задают целостность

мировосприятия и самого субъекта самоопределения, и корректируют данный процесс, и вместе с этим его жизненные стратегии и ориентации; последние действуют как регуляторы жизненного пути личности, истории формирования человека, задающей динамизм и логику, напряженность и противоречия его бытия. Посредством замыслов и проектов совершается процесс сопоставления реального и идеального, должного и сущего, объективного и субъективного, в рамках которого (сопоставления) возникает нечто новое: представления, цели, стратегии, которые в последствии и реализуются в повседневных практиках.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Красиков В.И. Метафизика самоопределения. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. – 220 с.
2. Карпунин О.И. Молодежь России: особенности социализации и самоопределения // СОЦИС. – 2000. – № 3. – С. 131–140.
3. Франкл В. Человек в поисках смысла / под общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
4. Бауман З. Индивидуализированное общество / под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2002. – 390 с.
5. Лобковиц Н. От субстанции к рефлексии. Пути западноевропейской метафизики // Вопросы философии. – 1995. – № 1. – С. 95–106.
6. Мамардашвили М.К. Философия и личность // Человек. – 1994. – № 5. – С. 5–19.
7. Больнов О.Ф. Философия экзистенциализма. – М.: Директ-Медиа, 2009. – 311 с.
8. Буюева Л.П. Культура, культурология и образование (Материалы круглого стола) // Вопросы философии. – 1997. – № 2. – С. 3–57.
9. Бергер П. Общество в человеке // Социологический журнал. – 1995. – № 2. – С. 162–180.

Поступила 30.08.2010 г.

УДК 101.1:316.613

## ПРОБЛЕМА ОДИНОЧЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ

Е.А. Юдич

Томский политехнический университет  
E-mail: yudich@yandex.ru

*Рассматриваются феноменологический, экзистенциальный и когнитивный подходы к изучению проблемы одиночества, сформулированные в работах западных исследователей, а также опыт российской национальной философии в осмыслении данной проблемы. Сделан вывод о том, что изучение философских аспектов феномена одиночества должно быть взаимосвязано с изучением национальных философских и религиозно-философских идей, традиций, направлений.*

#### Ключевые слова:

*Одиночество, проблема одиночества, опыт одиночества, жизненный мир человека, подход, теория, феномен.*

#### Key words:

*Loneliness, problem of loneliness, experience of loneliness, lifeworld of the person, approach, theory, phenomenon.*

Традиционно состояние одиночества связывают либо с внутренним рефлексивным разладом личности, либо с разрывом или нехваткой определённых социальных связей, либо и с тем, и с другим одновременно. Иными словами, состояние одиночества рассматривается, как правило, с двух позиций: с позиции внутреннего мира человека, испытывающего одиночество, и с позиции социального окружения одинокого человека.

В первом случае перед исследователями встаёт вопрос: «Что именно есть в этом человеке, что позволяет ему ощущать себя одиноким?» В поисках

ответа на данный вопрос анализу и детальному изучению подвергаются ментальные установки, образ мышления, модели поведения, самооценка, привычки, жизненный опыт человека – всё то, что формируется в процессе воспитания, становления и развития конкретной личности.

Во втором случае возникает вопрос: «Какие общественные реалии позволяют человеку или социальной группе переживать состояние одиночества?» И тогда объектом исследования становятся различные социальные процессы, явления, трансформации, влекущие за собой негативные пере-

мены в образе жизни определённых социальных групп и, как следствие, стрессовые переживания представителями этих групп утраты стабильности, безопасности, защищённости; а также социальные процессы, явления, трансформации, являющиеся непосредственными причинами возникновения и усугубления состояния отчуждённости и одиночества.

Психология и социология (в рамках этих научных дисциплин проводится наибольшая часть исследований по проблеме одиночества) обозначают два аспекта измерения состояния одиночества: личностный и социальный, а также разделяют причины возникновения этого состояния на субъективные и объективные: на те, что подконтрольны человеку и могут быть им устранены или преобразованы, и на те, что не зависят от действий одного конкретного человека; однако стоит понимать, что субъективные и объективные причины тесно связаны и взаимозависимы и что их полное разграничение довольно условно [1. С. 48].

Феномен одиночества изучается также в рамках философии.

Известно, что проблема одиночества существовала во все времена. Степень актуальности данной проблемы всегда зависела от конкретных исторических условий, однако исследовательский интерес к теме одиночества не угасал никогда, именно поэтому проблема одиночества имеет не только индивидуально-психологические, социальные и философские, но и исторические корни.

В настоящее время, согласно различным научным исследованиям, одиночество становится поистине глобальной, общечеловеческой проблемой, затрагивающей самые разные слои населения как развитых, так и развивающихся стран [1. С. 47–48]. Интересен ещё и тот факт, что проблема одиночества не лежит на поверхности и что симптомы этой проблемы бесчисленны, вариативны, взаимосвязаны с множеством других личностных и социальных противоречий. Можно с уверенностью предположить, что одиночество как таковое является первопричиной целого ряда социальных проблем и бедствий. За аморальным, асоциальным либо девиантным поведением нередко скрывается неразрешённая проблема одиночества, побуждающая человека или группу людей действовать неосознанно, импульсивно и не всегда адекватно.

Кроме того, согласно последним медицинским исследованиям, проблема одиночества сказывается не только на психо-эмоциональном состоянии, но и на физическом здоровье человека, а именно: провоцирует развитие серьёзных заболеваний, распространение которых принимает в настоящее время массовый характер [2].

Современный образ жизни, характеризующийся низким уровнем осознанности и всё возрастающей динамикой социальных модификаций, позволяет проблеме одиночества оставаться в тени, обнажая при этом те аспекты данной проблемы, которые воспринимаются и изучаются не в каче-

стве компонентов одной системы, а как самостоятельные, не связанные друг с другом явления, имеющие различные источники и причины возникновения.

Проблема одиночества находится в тесной взаимосвязи с другой проблемой – проблемой счастья и благополучия, если понимать под «счастьем» и «благополучием» не только удовлетворённость отдельно взятого человека качеством своей жизни (здоровье, отношения, безопасность, финансовая стабильность, возможности для всестороннего развития), но и благосостояние всего общества в целом (высокий уровень экономического развития, социальная безопасность и защищённость, равный доступ к благам и т. д.).

Таким образом, проблема одиночества – это не проблема одного человека или группы населения, отчуждённой по каким-то причинам от социальных благ или возможностей, а проблема всего современного общества в целом. Глобализация захватила не только экономическое и культурное пространство, она сделала единым и социальное пространство, а значит, объединила и социальные проблемы.

Проблеме одиночества посвящено немало литературы, в основном это психологическая и социологическая литература западного происхождения (Европа, Северная Америка), а также художественная литература, в которой феномен одиночества описывается и анализируется, как правило, в тесной связи с целым рядом других философских проблем.

Существующие социально-философские подходы и направления, объясняющие сущность проблемы одиночества, недостаточно проработаны. Этим подходам не хватает философского осмысления феномена одиночества. Среди наиболее проработанных и систематизированных подходов особого внимания, в первую очередь, заслуживают феноменологический и экзистенциальный подходы.

В рамках феноменологического подхода к изучению проблемы одиночества жизненный мир человека рассматривается в качестве открытой динамической системы, которая не только сообщается с феноменами, находящимися за пределами самой системы, но и выстраивает относительно прочную цепочку взаимодействия субъективных особенностей данной конкретной системы (эти особенности определяются характером реакций на внешнее окружение) [3. С. 21]. Иными словами, жизненный мир человека индивидуален, сложен, един и при этом не статичен, что предопределяется постоянным взаимодействием с внешними объектами (буквально вторжением этих объектов), постоянным развитием социального целого и составляющих элементов, а также самой природой человека.

С точки зрения феноменологии одиночество вносит качественный разлад в систему жизненного мира человека: одиночество не разрушает саму систему, но оно оказывает существенное влияние на функционирование системы, на характер и упорядоченность субъективных переживаний. Жиз-

ненный мир человека, переживающего одиночество, становится более субъективным, более узким в социальном плане и, как следствие, менее динамичным, менее оперативным. Одиночество как переживание становится одиночеством как самосознанием. Что запускает этот процесс? В рамках феноменологического подхода изучается несколько аспектов жизненного мира человека, «уязвимых» с точки зрения проблемы одиночества.

Можно выделить следующие основные аспекты: уникальность жизненного пути каждого человека (этот аспект тесно связан с самоактуализацией и понятием «счастье творчества»), культурное пространство личности, внешнее окружение (социальная обстановка, социальное поле деятельности человека), ближайшее социальное окружение (этот аспект переплетается с понятиями «дружба», «любовь», «партнёрство», «счастье человеческих отношений») [3. С. 21–51]. Вторгаясь в жизненный мир человека, одиночество оборачивается стрессом. Этот стресс характеризуется крахом глубинных ожиданий личности относительно реализации того или иного аспекта. Как и ожидания, переживания стресса также индивидуальны. Если подобные переживания длятся долгое время, не разрешаются и не трансформируются, то они приобретают форму привычки, становятся неосознаваемым, но реальным фоном всей жизнедеятельности человека. С другой стороны, одиночество как непосредственный результат серьёзных неудач в одной или нескольких сферах жизненного мира человека становится своего рода «проверкой на прочность», поскольку одиночество как таковое не ведёт ни к деградации, ни к смерти.

В рамках феноменологического подхода одиночество рассматривается как комплексное явление, истоки которого находятся одновременно и внутри, и за пределами системы [1. С. 51–53]. Реакции на одиночество (сознательный выбор реакций), характер переживания одиночества (осознаваемый характер) есть новые возможности развития жизненного мира человека, новые вызовы, новые столкновения внешнего и внутреннего, результаты которых не могут определяться исключительно в пределах шкалы «плохо» – «хорошо». Данный взгляд на проблему одиночества расширяет смысловые границы самого термина «одиночества»; одиночество перестаёт пониматься как личностное явление, одиночество – это и форма самосознания, и надличностный процесс.

В связи с этим в феноменологии выделяют четыре грани одиночества: космическую, культурную, социальную и межличностную (интимную) [3. С. 21–51]. О космической грани одиночества уместно говорить тогда, когда мы имеем дело со стрессовыми переживаниями, вызванными невозможностью или потерей внутренних и внешних связей человека с природой, с Богом, с тайнами мироздания (осознание подобных связей, их характер, а также степень их проявления и глубины определяются субъективными особенностями жиз-

ненного мира личности). Культурная грань одиночества характеризуется мнимым или реальным разрывом культурных связей, наличие которых давало человеку ощущения защищённости, определённости и стабильности. Социальная грань одиночества применима к определённым социальным группам, переживающим социальную изоляцию вследствие политических, экономических или иных причин. Межличностная грань определяется количеством и качеством тесных эмоциональных связей, отсутствие которых обычно считается самой распространённой и наиболее тягостной формой одиночества [3. С. 50].

Как правило, опыт одиночества является многогранным и затрагивает сразу несколько аспектов жизненного мира человека: испытываемый при этом стресс не всегда явно указывает на наличие проблемы одиночества, и потому человек, борясь со стрессом, борется с последствиями, а не с причиной проблемы и, значит, не ищет решение, а лишь создаёт иллюзию поиска решения. Проблема одиночества, таким образом, указывает на другую проблему современного человека – на отсутствие осознанности, осознанного отношения к жизни.

В рамках экзистенциального подхода не изучаются причины возникновения одиночества, как не изучаются и факторы, способствующие развитию и усилению ощущения одиночества. Согласно данному подходу, опыт одиночества – это жизненный опыт как таковой, это сама жизнь, это изначально заданное условие человеческого бытия, которое невозможно ни отменить, ни опровергнуть, но которое можно (и нужно) использовать продуктивно и творчески [1. С. 55–56]. Как ни парадоксально, экзистенциалистам не свойственны упаднические взгляды и настроения; напротив, в своём понимании одиночества они исходят из того, что одиночество, сопровождаемое различными негативными переживаниями, побуждает человека к творческой работе, к творческому отношению к реальности в целом и к социальному окружению в частности. Иными словами, предопределённость человеческого одиночества не лишает человека возможности быть счастливым и удовлетворённым. Кроме того, такое понимание одиночества утверждает самоценность человека, значимость самосознания, значимость личности в своих собственных глазах.

Предложенная в рамках экзистенциального подхода трактовка понятия «одиночество» пересекается с эмоционально-смысловыми значениями понятий «свобода», «человеческий дух», «личность»: утверждение непреодолимости человеческого одиночества становится лишь внешней формой, за которой скрывается глубокое проникновение в сущность явления; и если феноменологический подход определяет содержание понятия «одиночество» посредством анализа факторов, предопределяющих опыт одиночества (то есть одиночество рассматривается в качестве «побочного» со-

стояния), то в рамках экзистенциального подхода одиночество выступает в качестве заданной характеристики существования, а не в качестве этапа развития или некоего состояния в определённый период жизни.

Экзистенциалисты связывают развитие жизненного мира человека с развитием и становлением осознанного отношения к собственному одиночеству: понимание одиночества определяет характер взаимоотношений с внешним миром [4. С. 164]. Человек одновременно обособляет себя как от природы, так и от других людей. Принятие этого обособления предоставляет человеку возможность поиска творческих решений с целью установления полноценных контактов с окружающими субъектами (одиночество и обособление не исключают возможности подобных контактов). Осознанно устанавливая контакты, человек познаёт мир и свою роль в этом мире. Тот, кто не может или отказывается принять тотальное обособление, ищет спасения в иллюзиях о том, что одиночество есть результат индивидуального выбора или что одиночества не существует [4. С. 167]. В первом случае человек прячется в собственных представлениях об одиночестве (индивидуализме), во втором — обезличивается, становясь элементом социального образования (коллективизма). В обоих случаях страх одиночества остаётся непреодоленным; по сути, спасаясь в иллюзиях, человек теряет своё истинное «я» и ещё больше погружается в одиночество.

Не одиночество, а бегство от одиночества делает человека несчастным, неудовлетворённым, слабым, сомневающимся [1. С. 55]. В этом экзистенциальный подход перекликается с феноменологическим, а именно: проблема одиночества тесно связывается с проблемой осознанности.

Осознанное принятие одиночества приводит к тому, что человек начинает задумываться об установлении контакта с другим «я» — такого контакта, который бы позволил постичь одиночество другого, а постигнув одиночество другого, постигнуть (буквально наполнить) и своё собственное. Стоит отметить, что в рамках экзистенциального подхода к изучению проблемы одиночества наибольший интерес вызывает даже не само одиночество, а возможность преодоления одиночества посредством установления контакта двух «я» (сфера «между», по определению М. Бубера [4. С. 96, 109–112]): удивительным представляется не тотальный характер одиночества, а тот факт, что люди, будучи одинокими, могут понимать чувства и переживания друг друга. Личное «я» требует полного сближения с другим «я». Такое сближение невозможно ни в индивидуализме, ни в коллективизме, поскольку и то, и другое — две крайности, которые можно сравнить со сновидением, когда истинное «я» не осознаёт, что спит, и отождествляет себя с тем, кем на самом деле не является. Сближение двух «я» возможно лишь в том случае, если сближаются две личности — два человека, осознающих и принимающих своё одиночество.

Определённую ценность в изучении проблемы одиночества представляет когнитивный подход, научно-практические наработки которого во многом перекликаются с достижениями и открытиями представителей интеракционистского подхода. В частности, теоретическое обоснование проблемы одиночества в рамках обоих подходов строится на базе анализа эмпирических данных и результатов экспериментов.

Согласно когнитивному подходу, одиночество есть опыт негативного эмоционального переживания, осмысляемого и оценивающегося человеком в качестве такового; иными словами, одиночество переживается и определяется самим человеком в результате длительного когнитивного процесса, подвергающего анализу целый комплекс эмоций, моделей поведения и мышления. Одиночество ощущается и понимается в широком смысле как самочувствие, подверженное влиянию внешних и внутренних факторов. На возникновение и обострение одиночества оказывают воздействие в большей степени субъективные оценки, субъективные системы стандартов, формирующиеся на стыке глубоких личностных предпочтений или установок и существующих социальных ожиданий. Субъективность оценивания приводит к тому, что определение одиночества изменяется во времени, а значит, воздействовать на человека, считающего себя одиноким, можно при помощи убеждения. Тем не менее, опыт одиночества не является исключительно субъективным переживанием, существование которого обуславливается теми или иными социальными и психологическими факторами.

Западные теории основываются, как правило, на эмпирическом материале и описывают отдельные аспекты одиночества, именно поэтому только совокупность этих теорий, дополняющих друг друга и открывающих новые измерения одиночества в противостоянии и противоречии друг другу, даёт наиболее полное представление о феномене одиночества [1. С. 47–48].

Современная российская научная литература, посвящённая проблеме одиночества, предлагает, в основном, анализ и классификацию западных теорий, традиций, накопленных материалов и опыта, а также делает попытки избирательного перенесения западных наработок на российскую почву и осмысляет возможные результаты такого перенесения [5].

Вместе с тем, в российской литературе, прежде всего, в трудах классиков национальной философии, имеются свои собственные уникальные взгляды на проблему одиночества, которые не только освещают принципиально иные аспекты одиночества, в отличие от западных теорий, но и представляют собой перспективные направления для дальнейших исследований и изысканий, для дальнейшего развития, которые не привязаны к конкретному историческому контексту и потому могут быть перенесены как на современ-

ную российскую действительность, так и на реалии западного общества.

В российской национальной философии феномен одиночества изучается не столько на основе наблюдений, на основе пополняющегося эмпирического материала, сколько на основе чистого мышления, на попытке охватить это явление мыслью. Иными словами, русские философы описывают, прежде всего, общую картину мира, которая включает в себя и объясняет все явления и процессы, в том числе и феномен одиночества; тогда целью исследователя становится не «изобретение» новой теории одиночества, нового понимания проблемы одиночества, а раскрытие самой сути феномена [6. С. 20–26]. (Возможно, именно по этой причине проблема одиночества всегда рассматривалась в связи с другими философскими проблемами, а не отдельно от них). Кроме того, русские философы, в отличие от западных коллег, подвергают более полному, более тщательному анализу третью составляющую феномена одиночества – Божественное начало (к первым двум составляющим относятся понятия личности и социума) [6. С. 56–64]. Эта третья составляющая имеет не меньшее значение в понимании сути одиночества, чем первые две.

В рамках российской национальной философии сложилось устойчивое представление об одиночестве как об одном из феноменов взаимодействия в системе «Бог-человек»: одиночество не является ни следствием влияния внешних факторов, ни заданным параметром человеческого бытия, – одиночество представляет собой состояние, формирующееся в результате неосознанного или намеренного разрыва связи человеческого «я» с Богом. Инициатором такого разрыва всегда выступает человек.

Как пишет С.Н. Булгаков [6. С. 223], каждое человеческое «я» получает от Бога индивидуальный, неповторимый план жизни. Имея свободу выбора (свободу отказа), человек либо принимает, частично или полностью, либо отвергает этот план. Следование плану невозможно без единения с Богом, вместе с тем единение с Богом исключает возможность одиночества, поскольку Бог – это любовь, а любовь – это свободное проявление духа.

Согласно Н.А. Бердяеву [7. С. 98–112], человек, изолирующий себя от Бога, лишается непосредственного опыта духовной жизни и неизбежно сталкивается с болезненным переживанием одиночества, причины которого он ошибочно видит в себе, других людях или окружающем мире. Одиночество предопределяется несовершенством человека, однако реальный опыт одиночества не обусловлен человеческой природой, такой опыт обусловлен выбором, совершаемым человеком.

В свою очередь, Л.П. Карсавин [8. С. 33–38] развивает мысль о том, что одиночество проявляется при отсутствии единства человеческого «я» и Бога. Степень этого единства, как и его отсутствие, определяется самим человеком, которому изначально дана такая возможность. По сути, опыт челове-

ской жизни – это опыт воссоединения человеческого «я» с Богом. Воссоединения посредством познания, посредством мыслительной работы не является полным; в таком воссоединении преобладает разделение, результатом которого становится переживание одиночества. Избавление от одиночества и внутренних страданий стоит искать не в сопротивлении и не в борьбе, а в обретении тождественности, в обожествлении человеческого «я» – иными словами, в деятельностном процессе единения личности с Божественным началом.

Работы русских философов объединены общей идеей, общим настроением, они гармонично дополняют друг друга и не имеют принципиальных, существенных противоречий, тогда как западные теории строятся на взаимоисключающей основе, отчего их и рассматривают в сравнении и противопоставлении.

Вместе с тем, и западные, и российские философские традиции в отношении изучения феномена одиночества имеют общие культурно-исторические корни, в частности в христианском мировоззрении, а именно в библейской картине мира, постоянно меняющееся толкование которой сопровождало (и сопровождает) этапы исторического развития человечества последние несколько веков.

Не религиозное, но философское осмысление феномена одиночества с помощью анализа библейских текстов представляется очень перспективным в рамках герменевтического метода исследования. В связи с этим особое значение может иметь анализ библейских повествований и писаний, косвенно или непосредственно касающихся проблемы одиночества в её индивидуально-личностном, конкретно-историческом и общечеловеческом масштабах. Подобный анализ значим как сам по себе (как одна из наиболее разработанных интерпретаций феномена одиночества и как объяснение его сущности), так и в сопоставлении с уже имеющимися социально-философскими теориями и подходами к изучению проблемы одиночества, поскольку большинство данных теорий и подходов в той или иной степени опираются на религиозный опыт человеческой истории и оперируют понятиями религиозно-философского содержания, в частности понятиями, родственными христианскому мировоззрению.

Так, повествование о первородном грехе затрагивает и проблему одиночества. Отведав плод с дерева познания добра и зла, Адам и Ева ослушались Создателя, вследствие чего были изгнаны из рая. Грехопадение отделило существование человека от Бога, но важен даже не сам факт разделения (изгнания), а то, что разделению предшествовало обретение человеком сознания – возможности познать себя, предметы и явления в их двойственности (добро и зло), разделять и оценивать их в процессе когнитивной деятельности, совершая тем самым нравственный выбор (познание добра и зла). Иными словами, человек научился разделять единое, научился воспринимать мир раз-

делённым, составленным из элементов и вместе с тем целостным, наделённым смыслом. Одиночество как одна из реалий новой жизни – жизни за пределами рая – связана не только с фактическим отрывом человека от Бога, но и с потерей тождественности, единства, то есть с разделением внутри самого человека. Преодоление этого разделения, а значит, и преодоление одиночества лежит на пути возвращения к Богу, на пути отказа от разделения, на пути поиска и обретения единения с Божественным. Невозможность такого единения посредством только познавательной деятельности (посредством человеческих усилий) рассматривается в работах российских философов, опиравшихся в своих исследованиях на комплексный анализ библейских сюжетов и текстов [6. С. 414–422].

Стоит отметить, что глубокий интерес к проблеме одиночества является общей чертой практически всех известных религий и религиозных верований. Интерес к данной проблеме связан с познавательной деятельностью человека, стремящегося объяснить устройство своего внутреннего мира и устройство мира внешнего, сложность и многообразие которых наводят на размышления о возможности существования некой иной реальности, таящей в себе объяснение, источник, первопричину всех явлений окружающей действительности. Именно познавательный процесс инициирует вычленение понятия одиночества из общей картины

мира. В религиозном мировоззрении, мироощущении феномен одиночества возникает не в пределах человеческого существования, а на стыке человеческого бытия и бытия божественного.

В итоге можно сделать вывод о том, что представители российской национальной философии понимают одиночество в большей степени как экзистенциальный опыт человека, нежели эмоциональный, а источником такого опыта является возможность человека делать выбор в соответствии со своими знаниями о себе, обществе, мире и Боге.

Необходимо подчеркнуть, что приоритетным направлением изучения феномена одиночества должно стать дальнейшее развитие национальных философских идей и традиций, предоставляющих возможность достичь иного, более глубокого понимания сути явления, рассмотренного в работах западных исследователей в историческом и социально-культурном измерении. Кроме того, представляется перспективным использование компаративистского метода исследования при изучении проблемы одиночества, поскольку имеются эмпирические и теоретические материалы по данной проблеме, накопленные и сформированные в рамках различных культур, предлагающих различные точки зрения (различные гипотезы), требуют детального сравнительного анализа, результатами которого могут стать новые открытия в области философского осмысления феномена одиночества.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пузанова Ж.В. Философия одиночества и одиночество философа // Вестник РУДН. Сер. Социология. – 2003. – № 4–5. – С. 47–58.
2. Берк М. Одиночество убивает // Forbes Russia – новостной сайт о бизнесе, финансах, карьере и стиле жизни. 2009. URL: <http://www.forbesrussia.ru/mneniya/idei/22679-odinochestvo-ubivaet> (дата обращения: 14.02.2010).
3. Садлер У., Джонсон Т. От одиночества – к анонии. Лабиринты одиночества: Пер. с англ. / Сост., общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского. – М.: Прогресс, 1989. – 624 с.
4. Бубер М. Два образа веры: Пер. с нем. – М.: Республика, 1995. – 464 с.
5. Покровский Н.Е., Иванченко Г.В. Универсум одиночества. Социологические и психологические очерки. – М.: Логос, 2008. – 422 с.
6. Лосский Н.О. История русской философии. – М.: Прогресс, 1994. – 460 с.
7. Бердяев Н.А. Дух и реальность. – М.: Изд-во АСТ, 2007. – 381 с.
8. Карсавин Л.П. Путь православия. – М.: Изд-во АСТ, 2003. – 557 с.

*Поступила 17.06.2010 г.*